

2.1.2. Примирие с Югославией

Сильно занимал советское руководство и вопрос о нормализации отношений с Югославией. Еще летом 1953 г. Президиум ЦК принял решение о необходимости предпринять определенные шаги в этом направлении. Однако после ареста Берии никаких практических шагов сделано не было. Сказывался и своеобразный саботаж МИДа. По его предложению, например, 31 июля 1953 г. было решено дать такое указание советскому послу в Болгарии: «Дипломатические отношения СССР с Югославией в настоящее время строятся в направлении их нормализации, причем Югославия рассматривается нами как буржуазное государство»{418}. Фактически же к этой стране продолжали относиться как к фашистскому государству. Сохранялся запрет на торговлю, не устанавливались культурные, научные и даже спортивные связи{419}.

В Президиуме ЦК вопрос этот обсуждался довольно вяло. И вялость разработки, вялость решения его объяснялась позицией МИДа, который, несмотря на даваемые ему поручения,

«аппетита», как выражался потом Каганович, к нему не проявлял. Это прежде всего относилось к Молотову, а на него соответственно ориентировались как на шефа подчиненные. «И предложения вносились либо в неудобоваримом виде, либо их внесение затягивалось»{420}.

В феврале 1954 г. Президиум ЦК поручил комиссии в составе секретаря ЦК М.А. Суслова и заместителей министра иностранных дел В.А. Зорина и В.В. Кузнецова представить предложения об отношениях с Югославией. Готовил их аппарат МИДа, полностью исходя из оценки этого государства как фашистского, в котором, в отличие от капиталистических государств, «мерами фашизма, терроры подавляются...» и т. д. Весь проект, как признавал полтора года спустя Суслов, «был направлен не на улучшение отношений с Югославией, а на еще большую закрутку этих отношений». После некоторой дискуссии в комиссии из проекта предложений были выкинуты все подобного рода характеристики, и он был отправлен членам Президиума ЦК. Молотов пытался повлиять на мнение комиссии, сохранить старые оценки. Вернувшись из Женевы, где с 25 января по 18 февраля проходила конференция министров иностранных дел четырех держав, он позвонил Суслову и довольно резко отчитал его за проявление оппортунизма, за смазывание фашизма в проекте и т. д. {421}

Затем поручили МИДу написать и представить проект письма к братским партиям по югославской проблеме. Молотов снова оказался в Женеве, на конференции по Индокитаю, и письмо писал его заместитель В.А. Зорин. Пришел на Президиум ЦК и говорит, что он ознакомил Молотова и тот согласен. А в письме том говорилось о необходимости зондажа отношений с «фашистской Югославией». Так она и называлась фашистской. И руководители ее назывались фашистами{422}. Решили «почистить» текст от такого рода изысков и документ этот послали Молотову. А когда тот вернулся в Москву, то, обменявшись мнениями с Булганиным и Хрущевым, снял свои возражения{423}.

В результате Президиум ЦК КПСС 31 мая 1954 г. так оценил усилия по возвращению к дружбе с Югославией: «Начавшийся в 1948 г. и продолжающийся до нынешнего времени разрыв дружественных отношений между Югославией и Советским Союзом наносит серьезный ущерб как Югославии, так и Советскому Союзу и всему лагерю мира и социализма. В результате этого разрыва из демократического лагеря выбыла страна, занимающая важное стратегическое положение на юго-востоке Европы, насчитывающая 16 миллионов населения. Понятно, что, если бы американско-английским империалистам удалось полностью осуществить свои замыслы в отношении Югославии, то это... серьезно осложнило бы обстановку на Балканах, усилив позиции агрессивного блока в его борьбе против лагеря мира, демократии, социализма. Советский Союз в своей внешней политике в отношении с Югославией должен преследовать цель сорвать эти антисоветские планы... и использовать все возможности для усиления нашего влияния на югославский народ»{424}.

В принятом по этому вопросу постановлении говорилось: «При сложившихся условиях ЦК КПСС считает целесообразным еще раз проверить, какова подлинная позиция ЦК СКЮ и правительства Югославии в коренных вопросах их внутренней и внешней политики, и сделать новые шаги для улучшения дипломатических, экономических и культурных взаимоотношений с Югославией, имея в виду предотвратить окончательный переход Югославии в лагерь империализма, расширить возможность для усиления нашего влияния на югославский народ, а при благоприятных условиях предпринять меры к возможному возвращению Югославии в демократический лагерь... ЦК КПСС считает возможным с этой целью вступить в переговоры с руководством Союза коммунистов Югославии, сообщив ему мнение ЦК КПСС о том, что если руководство СКЮ не на словах, а на деле намерено следовать учению марксизма-ленинизма и бороться за социализм, за сохранение и упрочение мира, то нет оснований для состояния вражды между СКЮ и КПСС, а есть основания для установления взаимного сотрудничества в интересах мира, социализма и дружбы между народами Советского Союза и Югославией»{425}.

Так началась, как выразился позже Булганин, «упорная работа по завоеванию обратно старой, потерянной дружбы и связи»{426}. Чтобы посоветоваться по этому вопросу с братскими партиями, послали им это самое решение. Вскоре пришли ответы. Все они были положительными. Однако Молотов продолжал выражать несогласие{427}.

В октябре 1954 г., под влиянием американцев и англичан, под их нажимом, Югославия и

Италия договорились о разделе зоны Триеста. И хотя это соглашение не в полной мере удовлетворило югославов, Тито все-таки решил пойти на то, что предлагали. Казалось бы, надо было поддержать югославов и сказать, что мы «за». В МИДе СССР решили, однако, опротестовать и внести вопрос в ООН: мол, нарушают интересы Советского Союза как союзнической державы, его престиж подрывают, потому что нас не спросили. В Президиуме ЦК решили, что эта точка зрения неправильна. Не поддержав предложения МИДа, предложили написать, что Советский Союз принимает соглашение и поддерживает югославов{428}.

Выступая на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., Молотов говорил:

– Советский Союз стремится к развитию советско-югославских отношений в экономической, политической и культурной областях. Мы стремимся вместе с тем к возможному согласованию усилий в таком решающем для народа деле, как обеспечение мира и международной безопасности. Мы убеждены, что положительное направление в развитии советско-югославских отношений соответствует интересам как народов СССР, так и Югославии{429}.

Эта речь была заблаговременно разослана членам Президиума ЦК и не вызвала с их стороны возражений. Вместе с тем, второе письмо ЦК КПСС в адрес других коммунистических партий, посланное 23 февраля 1955 г., было составлено в довольно критическом духе: «Стремление югославских руководителей сидеть между двух стульев, декларирование их о якобы независимой позиции между двумя лагерями находит объяснение не только в возросшей за последнее время экономической зависимости Югославии от США и Англии, но и в отходе руководителей Союза коммунистов Югославии от марксизма-ленинизма. Это значит, что в своих отношениях с югославскими руководителями мы должны проявлять необходимую бдительность и осторожность. Мы не должны особенно рассчитывать на возможность сотрудничества с югославами по партийной линии, т. к. такое сотрудничество возможно лишь на единой основе признания принципов марксизма-ленинизма. Вместе с тем мы считаем, что следует и в дальнейшем терпеливо и последовательно добиваться отрыва Югославии от империалистического лагеря или по крайней мере, ослабления связей Югославии с этим лагерем»{430}.

После того как в Москве получили определенные сведения и данные, свидетельствующие о желании югославских руководителей установить контакт с советским руководством на предмет восстановления дружественных отношений, Президиум ЦК дал указание Молотову переговорить с послом Югославии, прощупать настроения югославов и дать понять послу о положительном отношении СССР к сближению с Югославией. Что же получилось? Молотов вызвал югославского посла, принял его довольно сухо, беседовал сдержанно. Встреча длилась 20 минут, причем большая ее часть была посвящена австрийскому вопросу. И вот в конце, когда Видич сказал, что югославские коммунисты всегда были марксистами, что они никогда не мыслили по-иному и никогда не пытались идти по другому пути, Молотов замечает не без иронии:

– Чем больше будет марксистов, тем лучше. И тут же спрашивает:

– Может ли считаться Джилас коммунистом?

Видич отвечает, что его исключили из СКЮ и что сейчас против него и Дедиера возбуждено уголовное дело за их клеветническую и враждебную пропаганду.

– В Советском Союзе были такие случаи, – меланхолически замечает Молотов, завершая на этом беседу.

А затем доложил, что «с послом ничего не вышло»... Причем сильно обиделся, когда ему на Президиуме ЦК, члены которого ознакомились с записью его беседы с послом, было сказано о неправильном отношении к поручению:

– Что же это за прощупывание настроений? И почему вы не дали понять, что мы за сближение с Югославией? Значит, вы не выполнили поручения ЦК. Это совершенно очевидно{431}.

Поднимался в этой дискуссии среди членов Президиума ЦК и вопрос о престиже. «Это не простая обывательская амбиция, – рассказывал позже Каганович, – нет, это вопрос очень большой важности. Это касается принципиальных позиций». И вокруг него разгорелся спор между Молотовым и другими членами Президиума ЦК. «Надо было преодолеть все эти

трудности, преодолеть и внутренние собственные колебания, преодолеть неприятные моменты. Надо сказать, что неблагодарная задача, с точки зрения человеческой, ехать в Белград после тех споров, которые были у представителей наших государств. Выступать там, вести с ними переговоры, дать пищу международной печати, что, вот, большевики поехали на поклон. Это дело очень неприятное. Но благодарное и большое. С точки зрения социализма»{432}.

Молотов же продолжал заявлять:

– Куда вы едете? Это подлецы!{433}

Он не верил в возможность значительных результатов поездки и неоднократно заявлял в период подготовки переговоров на заседаниях Президиума ЦК, когда готовились директивы для советской делегации:

– Мы едем к буржуазным деятелям! Надо помнить, что югославы – наши враги и что они перешли к реставрации капитализма.

Употреблял он и «еще более резкие, грубые выражения»{434}.

– К фашистам едете на поклон! – нервно говорил он{435}. – С кем вы хотите иметь дело? Кто такой Тито? Кто такой Кардель? К кому вы собираетесь обращаться? Почему вы не дорожите ленинским авторитетом нашей партии?{436}

Когда уже собирались, было, ехать, то поручили экономистам собрать материал и изучить, фашистское это государство или не фашистское. «Одним словом, мы занимались открытием Америки, – комментировал позже Хрущев это поручение. – Вот до какой степени дошли!»{437}. Записку по Югославии готовили в Комитете информации, формально причисленном к МИДу, но еще со сталинских времен отправлявшим свою продукцию на имя первого человека в партии и государстве. В.М. Фалин, которому наряду с другими довелось готовить эту записку, вспоминал: «Около ста страниц текста. Два раздела – политика и социально-экономическое устройство. Выводы. Главный из них – отлучение Югославии случилось не по причине ее перерождения, как официально утверждалось, а из-за того, что с подачи П.Ф. Юдина (тогдашнего шеф-редактора газеты Информбюро «За прочный мир, за народную демократию!» – Ю. А.), распознавшего «уклоны» Тито, у нашего диктатора «крыша поехала»»{438}.

Как-то на заседании Президиума был первый заместитель министра обороны маршал Г.К. Жуков. Он и говорит Молотову:

– У югославов ведь 40 дивизий.

– Что же ты хочешь? Под лавку спрятаться? – отвечает ему тот.

«Горько и больно было слышать такие слова., вытекающие из незнания, попросту говоря, некоторых вопросов войны и стратегии», – сетовал потом секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов{439}.

– Есть смысл побороться за дружбу с этим государством. Или хотя бы за нейтрализацию, – стоял на своем Жуков.

– У американцев больше. Может, туда пойдете на поклон? – продолжал не соглашаться Молотов.

Правда, ему тут же напомнили, как он ходил на поклон к Гитлеру и Риббентропу.

– Это забыл. Что лучше? – не без ехидства интересовался Хрущев.

– Тито или Риббентроп, или Гитлер? – допытывался также Булганин{440}.

Боялся предстоящей поездки не один только Молотов. Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова беспокоило, например, «как бы не получился окончательный разрыв». И поэтому он стоял на позиции «с оттенком», как сам позже ее характеризовал. Ему казалось, что нужно сперва идти по линии урегулирования взаимных государственных интересов, сперва нормализовать взаимоотношения по государственной линии, «а потом исподволь, постепенно перейти к партийным делам». Хрущев, поддержанный другими, стоял на своем:

– Мы попробуем и с самого начала возьмем такой курс, чтобы договориться и по партийной линии{441}.

8 мая 1955 г. в «Правде» была опубликована за подписью маршала Жукова статья «10-я годовщина великой победы». В ней среди прочего говорилось: «Исключительную стойкость в борьбе за освобождение своей родины, за общее дело разгрома фашизма проявил народ

Югославии под руководством маршала Тито. Сейчас невольно вспоминаются те дни, когда советские войска братски встретились под Белградом с Народной освободительной армией Югославии и совместно наносили удар по врагу. С какой сердечностью встречало нас население, как радостна была наша встреча с Югославской армией. Эта радость была омрачена впоследствии теми размолвками, которые возникли между нашими государствами. Хочется выразить пожелание, чтобы эти размолвки были быстрее ликвидированы и чтобы между нашими странами снова восстановились дружественные отношения»{442}.

Вечером на торжественном заседании в Большом театре Молотов устроил скандал, невероятный в практике коллективного руководства, обрушив на своих коллег, особенно на Хрущева, самые непристойные оскорбления{443}.

– Югославы – фашисты! – схватился Молотов с Хрущевым в присутствии маршала Конева{444}.

– Доколе и на каком основании «Правда» будет прославлять фашиста Тито? – требовал он ответа{445}.

Особенно возмущался он тем, почему статья пошла без обсуждения в ЦК. Ему разъяснили, что перед опубликованием она была разослана членам Президиума ЦК и, не вызвав ни у кого из них замечаний, была послана в печать. Правда, признался Хрущев, места, вызвавшего гнев Молотова, в первой редакции не было. Жуков был в Берлине, куда уехал с делегацией. И Хрущев, позвонив главному редактору «Правды» Шепилову, сказал:

– Нельзя ли дополнить статью товарища Жукова? В ней ничего не сказано о югославской армии, которая воевала в составе наших войск. Это товарищ Жуков упустил. А добавить надо.

При этом он был уверен, что Жуков будет приветствовать эту добавку, так как «она освещает историческую действительность». Шепилов сказал, что это будет внесено.

Критические замечания высказал Молотов и при обсуждении текста приветственной речи Советской правительственной делегации:

– Если судить по этому заявлению, то получается, что главной причиной разрыва в 1948 г. были какие-то материалы, которые были сфабрикованы врагами народа Берией и Абакумовым, а остальное не заслуживает внимания. Интриги Берии и Абакумова играли здесь известную роль, но это не имело главного значения. Во-первых, неправильно бросать вину за разрыв только на нашу партию, умалчивая об ответственности югославской компартии. Во-вторых, и это главное, не следует игнорировать, что в основе расхождений было то, что югославские руководители отошли от принципиальных интернационалистских позиций{446}.

Однако в защиту указанного в проекте объяснения причин разрыва последовал такой аргумент:

– Если мы не скажем, что главной причиной были интриги Берии и Абакумова, то тогда ответственность за разрыв падет на Сталина, а этого допустить нельзя.

– С этими аргументами нельзя согласиться, – возразил Молотов{447}.

А в проекте приветственной речи, которую следовало произнести на аэродроме в Белграде, ему не понравилось то, что выраженное в этом документе пожелание установить взаимопонимание и взаимное доверие между КПСС и СКЮ «не увязано с фактическим положением дел в нынешней Югославии, поскольку Союз коммунистов Югославии не стоит на позициях марксизма-ленинизма»{448}.

На это он указывали тогда, когда текст заявления утверждался Президиумом ЦК.

На основании одной из шифровок из Пекина, где, кстати, послом сидел все тот же П.Ф. Юдин, Молотов сослался на критику, которой подвергает югославов Мао Цзэдун, указывающий на то, что они ведут себя не как коммунисты, а как лейбористы. И задал вопрос:

– Почему то, что понимают китайские товарищи, не понимают у нас? В данном вопросе нам следовало бы раньше разобраться, чем им{449}.

И все же визит в Белград состоялся. Но Молотова туда не взяли. Первые заседания делегаций носили строго официальный характер: по одну сторону стола сели Хрущев, Булганин, Микоян и Шепилов, по другую сторону стола – их делегация (Тито, Кардель, М. Пьядо, Вукманович). Переговоры начались вступительной речью хозяина – Тито произнес речь. «Эта речь нас поразила», – делился позже своими впечатлениями Булганин{450}. Поразило же то, что он приветствовал их, как представителей великого народа, великого Советского

государства, где, как он сказал, родилась Великая Октябрьская революция. В ответном слове Хрущев выразил сожаление о потерянной дружбе, примерно в том же духе, что говорил на аэродроме.

Между участниками переговоров тут же установились хорошие, дружественного характера отношения. «Мы видели, – рассказывал потом тот же Булганин, – что находимся с людьми, с которыми можем договориться, с людьми, которые не порвали с марксизмом-ленинизмом, не порвали с нашими идеологическими принципами»{451}.

Правда, чем дальше и больше вступали в разговоры и полемику, тем больше видели, что у некоторых из их собеседников «очень большая путаница в головах». В частности, очень похожим на «австрийского социал-демократа» показался Кардель. Дискутируя с ним, напоминали ему о лекции, которую он читал недавно в Стокгольме. Правда, «как и положено оппортунистам», он им ответил:

– Если бы теперь, разве бы я такую лекцию прочитал? Вот теперь у меня дума – как мне исправить эту лекцию{452}.

«Путаной болтовней» потом называли советские гости высказывания Карделя насчет отмирания государства. По мнению Микояна, это был «скорее обман для западных социал-демократов или самообман», ибо такие, по определению Ленина, атрибуты государства, как армия, полиция, суды в Югославии не только не слабеют, но и крепнут. В чем же тогда «отмирание государства?». Хрущев и спрашивал Карделя:

– В чем же отмирание?

– Вот даже министерство здравоохранения ликвидировали, – отвечал тот.

– Это же чепуха! – возражал Хрущев. – И у нас союзного министерства просвещения не было...{453}

Тито предложил, чтобы во всех этих теоретических спорах самостоятельно разобрались Шепилов с Карделем, а главы делегаций могли заняться другими проблемами{454}.

Несмотря на «дружественную обстановку», переговоры продвигались трудно. Тито настаивал на том, чтобы в итоговом документе был зафиксирован тезис о полном равенстве двух партий и невмешательстве КПСС в дела СКЮ. Это, по его мнению, поможет покончить с практикой сталинизма, когда все предписывалось и приказывалось из Москвы. И решительно стоял на этой позиции. Хрущев, когда начались их беседы с глазу на глаз, говорил своим коллегам:

– Никак он не хочет принять наше руководство, признать нашу руководящую роль в коммунистическом мире.

Шелепин советовал:

– Никита Сергеевич, не нужно нам претендовать на лидерство, если уж приехали сюда мириться.

В таком духе они с Карделем и написали декларацию о нормализации отношений{455}.

Были и другие предметы споров. Хрущев сказал от имени ЦК КПСС:

– Не надо ворошить прошлое! Югославы согласились:

– Давайте забудем. Хрущев уточнил:

– Вы на Сталина не нападайте. Мы не дадим его в обиду, защищать будем... Нападать на него вам не выгодно.

Тито сказал:

– Правильно. Мы с вами согласны{456}.

Но на одном из заседаний, заканчивая его, спросил:

– Есть ли еще у кого вопросы?

– У меня есть, – говорит Вукманович. – Что же вы все на Берию и на Абакумова валите? Это же не главные люди. А где же было Политбюро? Мы хотим, чтобы вы нам сказали, где же гарантия. Вот мы с вами разговариваем, а потом у вас еще какой-нибудь Берия появится{457}.

Хрущев, убежденный, что вопрос этот был заранее обговорен с Тито, говорит:

– Знаете что, товарищ Тито, если когда-нибудь вам нужно будет послать своего делегата на конференцию для того, чтобы сорвать переговоры, то это – самый подходящий господин...

Все, в том числе югославы, засмеялись... На этом, собственно говоря, инцидент и кончился. В этот вечер по протоколу надо было проехать на один из заводов в двух часах езды

от Белграда. А сопровождал гостей Вукманович, который в этой поездке раскрылся перед ними совсем с другой стороны – не только как дипломат, человек с характером, но и как хороший, даже, по определению Булганина, «замечательный, кристаллической честности человек»{458}.

Что же увидели члены советской партийно-правительственной делегации в Югославии? «Мы увидели, – делился позже своими впечатлениями Булганин, – самое настоящее социалистическое государство: государство без помещиков, государство без капиталистов. Мы увидели, что фабрики и заводы находятся в руках государства, банки находятся в руках государства, торговля вся находится в руках государства (магазины все государственные, рестораны государственные, кафе – государственные, палаток мы не видели), то есть все находится в руках государства. Капиталистов иностранных нет, концессий нет. Что же еще требуется?»{459}.

Тито советовался со своими гостями и по такому тонкому вопросу, как отношения Югославии с Западом:

– Вот мы сейчас с вами все подпишем, мы вам еще напишем письмо в ЦК, как нам быть, порвать с Западом сразу? Нам это очень трудно сделать. Во-первых, экономические связи, продовольственная помощь. Три года неурожай, голод, нам бесплатно дают пшеницу. Потом я считаю, что даже в ваших интересах может быть не обо всем говорить, и не стоит нам рвать с Западом, а продолжать вести эту линию, какую мы вели до сих пор{460}.

Посоветовавшись между собой, советские представители сказали: – Не торопитесь, продолжайте так, как вы вели до сих пор. Хрущев даже добавил:

– Мы сами хотим улучшить отношения с Западом{461}. Говорили, причем много и долго, и о пакте Турция – Греция – Югославия. Тито и его соратники рассказали, что это за пакт, какое значение он имел в то время, когда они его заключали. И опять же, Хрущев и Булганин, согласившись, что сейчас невыгодно уходить оттуда, так и сказали своим собеседникам:

– Не нужно рвать сейчас этот пакт. Этот пакт нам нужен для того, чтобы через эту организацию влиять на политику Турции, политику Греции...

Тем более что Тито заверял их, что никогда Югославия не имела в виду (сейчас особенно) приспособливаться к какой-то акции против Советского Союза{462}.

– Мы морально, – говорил он, – когда заключали этот пакт, рассчитывали на то, чтобы немножко оказать сопротивление возможности будущей агрессии со стороны Советского Союза. Ведь двинули же вы против нас дивизию... Сейчас в этот пакт добивается приема Италия. Но мы и туркам и грекам сказали, что никогда Италия в этот пакт не войдет, потому что тогда пакт будет рассматриваться как военный блок{463}.

Визит советских руководителей в Белград и результаты их переговоров с югославскими лидерами получили довольно широкие отклики в народе.

Примирение с Югославией одобрили 52% опрошенных.

«Большинство одобрило замирение с Тито», – был уверен студент МЭИ А.В. Митрофанов. «Все поддержали этот визит, это был очень мудрый шаг Хрущева», – категорически утверждал В.М. Михайлов из Тайнинской, что рядом с Мытищами. «Визит Хрущева в Югославию и примирение с Тито воспринимались среди народа положительно», – соглашался с ним выпускник средней школы в Энгельсе Н.Д. Михальчев. С воодушевлением восприняла этот шаг научный сотрудник ВНИИ экономики сельского хозяйства В.Ф. Полянская, принимавшая участие в освобождении Югославии и ее столицы Белграда от немцев. Была очень довольна бухгалтер Ф.П. Асмошкина из Белой Калитвы Ростовской области: «Мы, прошедшие войну, недоумевали, когда поругались с Югославией, и приветствовали стремление Хрущева восстановить взаимоотношения с ней». Горячо одобрил московский студент А.А. Штромберг, сестра которого осталась в Югославии после разрыва отношений с этой страной. «Югославия тоже воевала против Гитлера, и ее сопротивление оттянуло срок его нападения на нас», – напоминал работник Ленгипростроя И.Ф. Григорьев. «Мы же вместе сражались против фашистов и были социалистическими государствами», – рассуждала продавщица из Реутова Е.П. Широева. Ведь восстанавливалась «дружба с братьями», – говорил младший лейтенант из военного городка в Куровском А.П. Дашкевич. «Мы братья-славяне и вместе воевали с фашистами», – напоминала Т.Е. Бухтерева из села Дулово в Конаковском районе Калининской области. Конечно, соглашалась студентка

Свердловского медицинского института М.А. Белан, «сербы близки нам по крови»{464}.

Считал Югославию братской страной, а Тито другом электротехник опытного завода ВЭИ в Москве Н.Е. Мохаев. «Они – наши братья», – вторили ему москвичка К.П. Деева и В.В. Маркина из села Введенское в Домодедовском районе. «К югославам, к их стремлению к свободе и независимости мы всегда относились с симпатией», – говорил нахимовец Н.Л. Хаустов из Ленинграда. Помнили о подвигах югославов в войне, по словам столичного офицера В.А. Сорина и учительницы физкультуры А.В. Потаповой из Коломны. «И. Броз Тито был одним из немногих, кто организовал сопротивление фашизму в Европе, и Сталин, разорвав с ним отношения, был не прав», – рассуждал студент Московского геологоразведочного института Г.И. Потапов. «Тито – герой для нас», – говорила М.Н. Лепинко, радиотехник из Военно-морской академии им. Крылова в Ленинграде. Считала Тито чуть ли не сверхгероем секретарь Удельнинского поссовета (Люберецкий район) П.Н. Арюлина.

Югославию любили, утверждала сотрудница ЦАГИ в Жуковском С.И. Аршонкина. «Всегда до этого удивлялись, что Тито враг», – делился рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. Рад был восстановлению экономических и политических отношений с этой «тоже социалистической страной» выпускник Ленинградского горного института М.И. Тухтин, считавший, что это было выгодно и для СССР и для Югославии. «Лучше иметь друзей, чем врагов», – полагала Е.А. Кузнецова, медсестра из городской поликлиники в Люберцах{465}. «Всякий «худой мир» лучше «доброй ссоры»», – цитировала народную поговорку выпускница МОМика В.С. Безбородова. С натяжкой, но одобрил заканчивавший службу в армии Н.И. Лепеха, ибо доверял Хрущеву: «Это был дипломатический шаг с целью привлечь Югославию к вступлению в Варшавский договор». «В условиях холодной войны у нас появился еще один союзник», – несколько по своему интерпретировал доводы Хрущева и Жукова железнодорожник из Николаева В.А. Попов. Критически относившийся к Хрущеву работник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников все же признавал: «Хрущев вынужден был пойти на мировую, потому что Тито тянулся на Запад». «Нужно было исправлять ошибку Сталина и укреплять отношения с этой страной», – считал рабочий завода № 30 в Москве А.И. Кирьянов. «Хорошо, что это все уладилось», – соглашалась техник завода № 500 в Тушино М.С. Севастьянова. С удовлетворением встретил результаты визита в Белград Хрущева и Микояна председатель одного из колхозов в Белоруссии В.Я. Пономарев, хотя у него и «оставался определенный осадок от произвола и террора, творимого Тито в Югославии». Оговорившись, что «вообще политикой мало интересовалась», воспитательница детского сада С.И. Алексеева тем не менее вспомнила, как «передавали об этом», и сказала: «Примирение – это всегда хорошо»{466}.

«Ведь предвоенное состояние было», – говорил рабочий завода № 67 в Москве И.Т. Елисеев. «Надоела вражда» Н.Н. Барышевой из колхоза «1 мая» в Московской области. «Осуждала Тито, когда он оступился, но обиды на него не держала» работница НИИ-160 во Фрязино Р.Н. Кошаева. «Если бы не этот визит, Югославия могла пойти по капиталистическому пути развития», – соглашался В.Н. Проскурин. «За спиной Тито 35 дивизий, и ссориться с ним нецелесообразно», – соглашался и слушатель ВПШ Г.С. Корнев.

«Может быть, Тито был более прав?» – начинали задаваться вопросом преподаватель Военно-медицинской академии в Ленинграде А.И. Григоренко и биолог Е.П. Лукин из в/ч 44026 (Загорск-6).

«Шаги лидеров не одобрять было не принято», – считала необходимым добавить рабочая швейной мастерской № 23 Л.В. Гурьева. Все воспринимал таким, каким это преподносило правительство, рентгенотехник больницы в Раменском Б.Г. Маскин. Тогда еще «Хрущеву верили», – оговаривалась рабочая Поронайского рыбокомбината Т.С. Зайцева.

Помнит частушку того времени москвич В.А. Максаков, заканчивавший тогда среднюю школу: «Дорогой товарищ Тито! Ты нам друг теперь и брат. Как сказал Хрущев Никита, ты ни в чем не виноват»{467}.

Не одобрили примирение с Югославией от 6 до 11% опрошенных. «Если Тито сам захотел от нас отойти, то нечего к нему было ездить», – полагал техник Шувойской ткацкой фабрики в Егорьевском районе Г.И. Капустин. «Тито не хотел слушать нас и хотел в своей стране все делать по-своему», – мотивировала свою позицию учительница Воздвиженской школы в

Загорском районе А.П. Запрудникова. Был «в известной степени расстроен тем, что Советский Союз ищет поддержки у Югославии», – рабочий одного из московских номерных заводов С.С. Глазунов. «Не одобряла политику Тито, а тем более Хрущева» жена военного моряка А.П. Абрамова. «Недовольны были Хрущевым, кукурузой задавил», – объясняла рабочая станции 207-й километр Северной железной дороги Е.П. Паршина. «Сталин порвал отношения с Тито, а Хрущев все делал специально наоборот», – таков был ход рассуждений официантки одного из столичных кафе Н.Н. Снытковой{468}.

Вспоминала, как много денег СССР потратил на Югославию (сразу же после войны), рабочая Московского электростанционного завода им. Куйбышева Л.П. Агеева. Считала верной политику Сталина Е.И. Осинчерова, шофер из Ефремова в Тульской области. «Нас обманывают», – думал техник-строитель из Павлова Посада А.В. Ржавцев. «Разъезжать он горазд, на казенные харчи каждый поедет», – ворчала колхозница М.Г. Столярова из села Семеновское в Можайском районе. Этот визит никто не одобрил, – уверена З. И. Соболева из села Язвинцы в Загорском районе. «Все против!» – утверждала продавщица М.Г. Степина из поселка Селятино в Нарофоминском районе. – «Никто никогда не ездил, а он поехал».

От 15, 5 до 24% опрошенных отметили, что сам визит в Белград и принесенные там извинения не показались им унижительными для великой державы.

«В восстановлении дружбы во всех ее проявлениях нет никакого унижения ни для какой страны», – была уверена Т.Ф. Ремизова, медсестра из железнодорожной больницы в Коломне{469}. Никакого унижения не испытывала медсестра из детских яслей при заводе «Красный пролетарий» в Москве Е.В. Федулеева: «Мы с детства верили КПСС. И если Хрущев так поступил, значит это было необходимо в интересах нашей страны». «Вовремя извиниться было необходимо», – полагала диспетчер завода № 41 в Москве Е.И. Коклюшкина. «Нужно признавать свои ошибки», – соглашалась студентка МОПИКа А.С. Катанина. «Винноваты были, так и сказали», – констатировала инженер Северной водонапорной станции К.М. Воложанцева. «Унижительно было ссориться народам – победителям Гитлера», – утверждает воспитательница из Тулуна К.А. Шарапова, «Какое может быть унижение, если мы в течение 8 лет вылили на Тито столько грязи?» – спрашивал студент Рязанского радиотехнического института В.В. Карпецкий. «Тито заслуживает извинений», – считал офицер КГБ в ГДР А.И. Носков. Для налаживания отношений с соседями «многие средства хороши», – полагал инженер из военного городка близ станции Трудовая Ю.Ф. Алабов. «Добром нужно побеждать зло», – чуть ли не по-толстовски рассуждала врач Л.В. Беляева из городской больницы в Бельцах (Молдавия). «Жестом широкой русской души» назвала этот шаг доярка М.С. Прилепо из деревни Струженка в Суражском районе Брянской области. «Если большая страна протягивает руку малой, то тут нет ничего унижительного», – отвечала А.И. Астафьева, учительница математики в школе рабочей молодежи № 198 в Москве. «Величие державы может проявиться и в желании и умении сделать первый шаг к миру и дружбе», – такого мнения придерживался слушатель Харьковского авиационно-инженерного военного училища Л.С. Найда. Извинение ради приобретения союзника не показалось чересчур большой платой И.И. Парамонову, слесарю одного из депо Московского железнодорожного узла{470}.

Показалось унижительным для 5-11% опрошенных.

«Мы их освободили, и это они должны были извиняться», – полагал шофер П.А. Жаворонков из в/ч 44026 под Загорском. Л.Н. Акуловой из Загорска показалось, что тем самым Хрущев унижил Сталина. «Все знакомые и я лично считали, что это унижительное событие для нашей страны», – вспоминала А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики.

Была довольна примирением, но все же считала, что нужно было делать это «на своей территории», бухгалтер СУ-55 Мосстроя А.П. Сердцева. «Замирение с Тито было нужно, но сохраняя лицо», – замечал конструктор КБ-1 в Москве Ю.К. Игнатов. «Хорошо» воспринявший возобновление дружбы с Югославией школьник из Курской области В.Р. Червяченко в то же время отмечал, что «односторонние извинения Хрущева многие не одобряли, считая, что и Тито должен был извиниться и даже в большей степени, так как именно мы помогли ему в освобождении и именно он больше виноват в размолвке, чем Сталин». «Если замирение Булганина с Тито можно объяснить как-то тактически, – говорил инженер одного из

московских НИИ Б.Г. Лященко, – то извинения Хрущева перед Тито – это уж слишком, заскок, самодурство»{471}.

«В конфликте виноват был Тито», – был по-прежнему убежден В.А. Лавровский из в/ч 44526. На взгляд работницы Чебульской МТС в Сибири В.И. Пономаревой, «Советский Союз был ни в чем не виноват, и извиняться было незачем». «Страна – победительница фашизма должна диктовать свои условия», – считала нормировщица 22-й дистанции пути (станция Чаплыгин в Липецкой области) А.А. Орлова. Не прав был Хрущев и по мнению работницы Ногинского завода топливной аппаратуры М.В. Есиной: «Зачем нам кланяться?» «Дуракам закон не писан», – резюмировала П.И. Ковардюк, бригадир из подмосковного колхоза им. Ленина. «Невыносимо было видеть подхалимство нашего лидера перед ренегатом» десятикласснику из подмосковной Малаховки И.И. Назарову. «Хрущева как руководителя великой державы не воспринимали, авторитет державы при Сталине был выше», – так рассуждала учительница М.М. Крылова из деревни Ключевая в Калининской области{472}.

Затрудились с ответом, не помнят своих эмоций по этому поводу 5-8% опрошенных. «О событии помню, но о своем отношении к нему – нет», – признавался москвич Ю.М. Алмазов. Подробностей не знала работница Волоколамской типографии В.И. Матисова. Ничего не знали об извинениях столяр завода «Геофизика» в Москве Д.И. Прусов и курсант одного из военных училищ в Саратове В.М. Мензульский{473}.

Отнеслись без интереса, безразлично, не задумывались над этим 6% опрошенных. Не интересовала политика ученицу торгового училища в Нерчинске О.Г. Михайлову: у нее были «другие вопросы и проблемы в жизни». «Не интересовались этим» работница поселкового потребительского общества в подмосковной Салтыковке О.М. Данилова, рабочий Раменского текстильного комбината «Красное Знамя» М.С. Евсеев и рабочий Хмельницкой МТС на Украине Н.А. Бондарук, который говорил: «Нам по радио сказали, значит так надо. Разве мы понимали чего-нибудь?». Не понимала и студентка Московского государственного педагогического института им. Ленина В.Л. Барабанщикова. Не интересовался внешней политикой рабочий санатория ВМФ в Солнечногорске Б.С. Егоров. Некогда было задумываться над этим слесарю Болоцкой МТС во Владимирской области Ю.Ф. Морозову{474}.

Не запомнился этот факт 12-12,5% опрошенных.

Нет ответа или он не поддается однозначному толкованию у 2% опрошенных. «Как все», – ответила медсестра Л.А. Проснякова из поселка Дмитровский погост в Шатурском районе. «Развитие контактов между Востоком и Западом», – так записала свой ответ на вопрос москвичка М.А. Тук, 1914 г. рождения{475}.

О чем же свидетельствуют ответы на вопрос о примирении с Югославией? О том, что подавляющее большинство поддержало этот внешнеполитический шаг нового советского руководства. Причем около половины из них не увидели в этом шаге ничего унижительного. Их аргументы весьма схожи с теми, что приводил Хрущев в споре по этому вопросу с Молотовым. Не одобрили примирение с Югославией 11%, увидя в этом унижение для великой державы.